

Я любила артиста Гафта, как учил писатель Жуховицкий

Избранные места из воспоминаний современной тургеневской девушки, узнавшей, из какого сора растут стихи, не ведая стыда

Каме. правба. - 1998. - 10 марта. - с. 5

Я любила артиста Гафта. С этого все и началось. Я любила его со всей трепетностью шестнадцатилетней толстой девочки, которая не пользуется успехом у одноклассников и поэтому читает Достоевского, Тургенева, Мопассана, Бальзака и вообще все подряд.

Мама призывала: «Сходи на дискотеку! И домой можешь прийти попозже...» А я хотела выделиться хотя бы своей безнадежной любовью, сидела дома и писала дневник: «На его следах вырастают фиалки, а над «Современником» всегда светит яркое солнце, солнце его карих глаз...»

Красная Шапочка

Когда мне исполнилось восемнадцать и мои подруги стали выходить замуж, я почувствовала себя откровенно плохо. Решила посоветоваться со старшим, опытным товарищем, каковым считала писателя Леонида Жуховицкого. Он был тогда очень популярным специалистом по морально-нравственной тематике.

Отправила письмо. Он позвонил. Мы встретились. Его тогдашняя жена Таня сразу сказала, что у такой красивой девочки не может быть серьезных проблем. Красивая?! Ну уж нет! Я загрузила Леню по полной программе.

- Тебе надо переспать с Гафтом, - посоветовал Жуховицкий, который оказался вполне приятным пожилым плейбоем. Он только не объяснил, как это сделать, и я поехала в загородный дом творчества писателей за дополнительной консультацией.

Мы расположились с писателем Жуховицким на разных кроватях, он читал мне стихи Бродского, а потом подсказал, что надо делать: «Помнишь, у меня написано про первую любовь? Как мальчик и девочка лежали рядом всю ночь, и у них ничего не было. Я думал, что и у нас так будет, а ты вон оно как...»

Я поспешно перелегла, а через два дня поняла, что со всей трепетностью шестнадцатилетней души люблю Леонида Жуховицкого.

Жописы и дописы

Последующие три года можно охарактеризовать как «дурдом на выгуле». Когда он шел в кино с любовницей (одной из многих), я покупала им билеты. Когда он уезжал с любовницей (очередной) на юг, я провожала их до вокзала. Я стирала ему носовые платки, опаздывала на метро и шла пешком от «Белорусской» до «Курской» (позже начальство радовалось моему фанатизму на работе).

Однажды наступил светлый миг. Морально-нравственный товарищ сказал: «О, ты мне друг, я даже не знаю, за что мне такая преданность. Но кайфа нам не хватает, потому что самый кайф, он в том, детка, чтобы девочек в койке было две».

Как написал Марк Твен: «Опустим же завесу милосердия над концом этой сцены».

Предупреждаю все возможные вопросы: мне это не нравилось. Я плакала, когда он не видел, и делала, когда он заставлял. Потому что привыкла слушаться старших и очень боялась остаться без любимого человека, который к тому же знает, как мне жить дальше.

Так я узнала первое правило Л. Ж.: хорошему писателю все можно. Он собирает материал для будущего творчества, и ему нужны приключения.

Если бы он еще собирал материал среди приличных барышень, а то все больше среди провинциальных любительниц. Одна из них, немая девица из Казани, предложила мне вместе обслужить Эльдара Рязанова. Не поняла разницы между собой, умной, и мной, идейной.

Тем временем Л. Ж. развелся с женой Таней и передал эту должность мне.

Уважаемые «жописы» и «дописы» (жены писателей и дочери писателей), я чувствовала себя среди вас, как полковник Исаев в ставке Гитлера. Вроде дуры, а говорят о книгах. Вроде шлюхи, а говорят о детях. Вроде работают, а тратят в десять раз больше, чем собственная зарплата. Вроде интересно, однако, как и Штирлица. «неудержимо рвет на родину». Одна из писательш жарила котлеты и приговаривала:

- Лене нужна большая квартира...

- Зачем?

- Ну не всегда же он будет жить один...

Тут я поняла, что под словами «будет не один» она имеет в виду

Из досье «КП»:

* Леонид Жуховицкий (1932 г.р.) - прозаик, публицист, драматург. Самые известные произведения: роман «Остановиться, оглянуться...», повесть «Девочка на две недели», пьеса «Последняя женщина сеньора Хуана».

* Валентин Гафт (1935 г.р.) - актер. Самые любимые роли: полковник («О бедном гусаре замолвите слово»), Джаспер («Тайна Эдвина Друда»).

не меня, ничтожную, к тому времени худенькую, на все готовую овцу.

Между тем Леня продолжал «поиски материала для творчества», приволок в наш семейный дом падчерицу одного поэта и попросил меня погулять на воздухе. Я гуляла и училась курить.

«Господи, я в такой клоаке, за что держаться?» - думала я, но думала еще плохо и в ложном направлении. Поэтому вспомнила, что у меня есть забытый артист Гафт, я могу его любить, и это снова станет моей свободой от обстоятельств.

Кстати, падчерица поэта пришла в ужас от групповушки, пожаловалась маме, и случился роскошный скандал.

Диагноз - Гафт

Легко сказать - любить Гафта... Хотя я вроде уже находилась в божестве, но не в той, какой нужно. Были общие знакомые, но не просить же их све-

Леонид Жуховицкий с автором заметки: «Хочу канарейку за три копейки, чтоб пела и ничего не ела».

об интервью. Гафт ломался, как святая Цецилия, но против фанатички не устоял.

«Яркое солнце его карих глаз» наконец взойшло и нало мной. Я заикалась, роняла ручку, диктофон, сумку, наткалась на стулья и столы. И главное - безнадежность. Вот попросаюсь, уйду и все. Навсегда. Решилась снова позвонить, уже как знакомая. Час проговорили о Достоевском и Бродском (мужнина школа).

- Ах, - сказал Гафт. - Давно так душевно ни с кем не трепался. Ведь могли бы пройти мимо. То, что мы родственные души, выяснилось лишь случайно (ага, случайно. Ха-ха! - Авт.).

Хорошо помню почему-то одну сцену. Как я стою в телефонной будке, разговариваю с уже приуроченным Гафтом, дрожу от любви и отбиваюсь от пьяного божжа, который лезет в кабинку. А Гафт, мой любимый Гафт говорит: «Я сейчас читаю пьесу, а я не хочу ее читать, по-

ему произведение тонкой лирики, которое заканчивалось словами «Нет в жизни длиннее дистанции пионерского расстояния». Казалось бы, ничего особенного, он и сам пишет плохие стихи. Однако герой моего романа убежал зигзагами. На его месте так поступил бы каждый. Но не у каждого мощный торс скрывает маленькое, слепое актерское сердце.

Помню еще одну сцену. Я стою в телефонной будке, а он говорит: «Не надо. Мне так тяжело с вами разговаривать, что трубка из рук выпадает».

Я действительно тогда собралась умирать. Пила, ходила часами по городу, просила совета у кого ни попадя. Дельный совет был. Один умный человек рассказал, до какой степени мой небольшой возраст, мой взгляд снизу вверх и нервный характер не во вкусе Гафта.

- Что же делать?

- Страдать, - посоветовал он.

Не владеясь в подробности, скажу, что указание я выполнила честно. Даже слишком.

Голубая китайка

Через несколько лет из меня получилась не самая плохая журналистка и обычная дама. Тогда я узнала второе правило Л. Ж.: иметь дело стоит только с комплексованной юной идиоткой, которой можно повесить на уши тонну макарон.

Жуховицкий попытался начать меня поколачивать, потом списал в педагогический брак, как и двух предыдущих жен, и обратил благосклонное внимание на шестнадцатилетнюю дочь моей старшей подруги. Подруга радостно задержалась всем своим тщеславным существом. (По версии Данте - в последнем кругу ада жарятся именно предатели, будем надеяться, что моя подруга Данте не читала).

Ее поведение к тому времени ничего не могло испортить или улучшить в моей судьбе. Я уже работала именно в той газете, куда мечтала попасть, и больше В. Г. и Л. Ж. в их лучшие времена ценила профессию. Поэтому без претензий съехала с жилплощади, сняла квартиру (Леня воспринял этот факт благородно и мужественно) и сейчас благодарна бывшему мужу за самый познавательный период жизни.

Рядом с Леной сейчас трепетное создание двадцати лет от роду (опасаюсь, что молодое поколение не столь наивно, и «педагогический брак» вывигается раньше). Артист Гафт, по слухам, некоторое время говорил про меня гадости в режиме хвастовства. Глупо.

О. Б.

Комментарий писателя Леонида Жуховицкого:

«Писатель должен любить своих героев глубже!»

- Лишний раз убедился, что писатель должен любить литературных героев: в любой момент он сам может оказаться в их числе. А мемуары О. Б. выдержаны в стиле социалистического реализма - я там здорово приукрашен. Могло быть гораздо хуже. Партия и правительство были совершенно правы насчет литературы - людей надо изображать не такими, какие они есть, а такими, какими должны быть. А, в общем, О. Б. свою задачу выполнила. Юные читатели «Комсомолки» получили достойные примеры для подражания.